4 275

4275

А. Цинговатовъ.

Въ Россію—
можно только вѣрить!
(Завѣты Ѳ. И. Тютчева).

Чистая выручка въ пользу раненыхъ воиновъ.

Изданіе женской гимназіи С. Я. Любимовой.

Ростовъ на Дону.
Тип. Т-ва Павлова и Славгородскаго.
1915.

4275

А. Цинговатовъ.

Въ Россію—
можно только вѣрить!
(Завѣты Ѳ. И. Тютчева).

Чистая выручка въ пользу раненыхъ воиновъ.

366/5

Изданіе женской гимназіи С. Я. Любимовой.

РОСТОВЪ НА ДОНУ.
Тип. Т-ва Павлова и Славгородскаго.
1915.

Извлеченіе изъ публичной лекціи, прочитанной 7-го декабря 1914 года въ пользу Ростово-Нахичеванскаго Педагогическаго Комитета по оказанію помощи дѣтямъ запасныхъ и раненымъ.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
125 8996

I.

О, край родной!—такого ополченья
Міръ не видалъ съ первоначальныхъ дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крѣпись и одолѣй!

Тютчевъ.

Въ наши грозно-торжественные и священно-трепетные дни, дни Великой Войны, когда на долю славянства и, особенно, Россіи выпалъ жребій чрезвычайный, исключительный,—умѣстно оживить въ памяти вѣщія прозрѣнія и славянофильскія чаянія русскаго поэта-мудреца, поэта-провидца, поэта-пророка—Ѳ. И. Тютчева (1803—1873 г.).

Извѣчная, изначальная—по мнѣнію Тютчева—ведется въ мірѣ борьба между Свѣтомъ и Тьмою, Добромъ и Зломъ, Космосомъ и Хаосомъ.

Смыслъ вселенской жизни—въ постепенномъ преодолѣніи темнаго, злого начала—свѣтлымъ и добрымъ, Хаоса—Космосомъ.

Въ природномъ, міровомъ процессѣ Свѣтъ одолѣлъ врага, связалъ его, плѣнилъ, осѣнилъ лучами своими темную основу бытія и явилъ намъ міръ, какъ божественную гармонію свѣтлозданнаго строя.

И смыслъ нашего, человѣческаго существованія—въ томъ же, въ томъ же!—въ преодолѣніи

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
Инвентарный №

Хаоса Космосомъ въ жизни личной и общественной, но уже сознательномъ преодолѣніи, при нашемъ дѣйственномъ участіи, при содѣйствіи нашей свободной воли. Послѣдняя цѣль, конечный смыслъ человѣческаго существованія—въ томъ, чтобы сознательно стать на сторону Свѣта - Добра - Космоса и доставить ему въ жизни личной, общественной и міровой—торжество, побѣду и одолѣніе.

А путь къ этому давно и ясно предуказанъ всей міровой исторіей; идеальный путь здѣсь одинъ—«примкнуть къ Верховному Вождю на пути совершенства, замѣнить роковое и убійственное наслѣдіе древняго Хаоса духовнымъ и животворнымъ наслѣдіемъ новаго человѣка, или Сына Человѣческаго—Первенца изъ мертвыхъ» (Вл. Соловьевъ):

О, вѣщая душа моя,
О, сердце полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойного бытія...

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя,
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа навѣкъ прильнуть.

Христосъ, христіанство—вотъ единственный исходъ изъ трагическихъ противорѣчій «злой жизни», вотъ единственное наше спасеніе. Какъ «роковое наслѣдіе» Хаоса есть достояніе всѣхъ людей, такъ и духовное наслѣдіе Христа: оно явлено для спасенія всего человѣчества.

Но что такое человѣчество? Въ чемъ ощутительно воплощается его единство? Гдѣ его живая душа?

И на этотъ «недоумѣнный» вопросъ былъ у Тютчева отвѣтъ вполнѣ опредѣленный:

Живая собирательная душа человѣчества—Россія. Россіи суждена единствен-

ная, исключительная роль во всемірной исторіи. Россія призвана спасти человѣчество.

Чѣмъ же оправдать такую необычайно высокую оцѣнку Россіи? Какъ примирить вѣру въ ея провиденціальное назначеніе, въ ея всемірно-историческое призваніе съ тѣмъ, что было въ современной поэту реальной дѣйствительности? Вѣдь обычно принято было отмѣчать, что Россія—страна отсталая, запоздалая въ своемъ культурномъ ростѣ: бѣдный, темный, много страдавшій народъ. Это — правда. Тютчевъ согласенъ съ этимъ:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа.

Но рядомъ съ этой правдой стоитъ другая правда: мало свѣта въ русскомъ народѣ, но зато много, безконечно много тепла. Это надо умѣть понять! Подъ сѣрой и неприглядной видимостью таятся несмѣтныя, безцѣнныя сокровища русскаго духа. Легко пройти мимо нихъ, не замѣтивъ ихъ:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

И особенно не пойметъ этого надменный взоръ нѣмецкій: «самый умный нѣмецъ, когда начнетъ говорить о Россіи, непремѣнно окажется глупцомъ» (Тютчевъ).

А между тѣмъ, «смиренная» нагота, нищета, вѣдь это сопутствующій признакъ истиннаго христіанства. И Тютчевъ не сомнѣвается въ томъ, что Россія страна—по преимуществу—христіанская: нигдѣ завѣты Евангелія не были восприняты такъ живо и такъ глубоко, какъ именно въ Россіи; ни одинъ народъ не

сумѣлъ такъ приблизиться къ идеаламъ христіанства, какъ народъ русскій. Тютчевъ считаетъ Христа какъ бы русскимъ; въ поэтическомъ снѣ ему видится, что Христосъ являлся не въ Палестинѣ, а въ Россіи:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Только на Христа возлагаетъ православный русскій народъ всѣ свои надежды, только здѣсь ищетъ онъ исцѣленія всѣхъ своихъ историческихъ язвъ:

Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,
Растлѣнье душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ...
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ?
Ты, риза чистая Христа!...

И Тютчевъ благоговѣйно склоняется передъ этой бездонной религіозностью, передъ этой истинно-христіанской настроенностью православнаго русскаго народа.

Отсюда вытекаетъ и пламенная вѣра поэта въ необычайную роль Россіи въ грядущихъ судьбахъ міра. Тютчевъ разсуждаетъ такъ: смыслъ міровой исторіи—въ постепенномъ преодолѣніи Хаоса Космосомъ путемъ христіанизаціи человѣчества. Слѣдовательно, Россія—какъ страна особливо христіанская—и призвана внѣшне объединить и внутренно обновить, возродить человѣчество. Неисповѣдимыми путями Промысла Россіи предначертана великая, священная миссія—привести человѣчество къ ногамъ Христа.

II.

Эта грандіозная всемірно-историческая миссія Россіи слагается изъ двухъ задачъ.

Первая, ближайшая задача Россіи—собрать воедино родное славянство: поляковъ, чеховъ, сербовъ и болгаръ.

Тютчева болѣзненно угнетало сознаніе, что славянство разрознено, раздроблено, разбито, и что этотъ пагубный разбродъ славянства тянется уже вѣки:

Вѣки мы слѣпцами были,
И, какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы.

Дорогою цѣною заплатили мы за свой историческій разбродъ: за это время славянское «не одно погибло племя, иль въ чужбину отошло»:

Иновѣрецъ, иноземецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ:
Тѣхъ обязычилъ нѣмецъ,
Этихъ турокъ осрамилъ.

Чеховъ, да и поляковъ «обезязычилъ» нѣмецъ. Болгаръ и сербовъ «осрамилъ» турокъ. Нѣмцы и турки—вотъ естественные, исконные, заклятые враги славянства.

Опять Востокъ дымится свѣжей кровью!
Опять рѣзня... повсюду вой и плачъ,
И снова правъ пирующій палачъ,
А жертвы преданы злословью!

Но почему же правъ? На кого опирается въ своихъ звѣрствахъ торжествующій турецкій палачъ? Отвѣтомъ на это служитъ слѣдующая идиллическая картинка съ береговъ Босфора:

Флаги вѣютъ на Босфорѣ,
Пушки празднично гремятъ,
Небо ясно, блещетъ море,
И ликуетъ Цареградъ.

И недаромъ онъ ликуетъ:
На волшебныхъ берегахъ
Нынѣ весело пируетъ
Благодушный падишахъ.

Угощаетъ онъ на славу
Милыхъ западныхъ друзей:
И свою бы всю державу
Заложилъ для нихъ, ей-ей....

«Изъ премудраго далека» явились эти милые западные друзья—«погулять на счетъ Пророка»: идиллически-трогательно «веселится объ Исламѣ христіанскій съѣздъ князей!»

Благодаря этой западной поддержкѣ и чувствуетъ себя безнаказаннымъ пирующій восточный деспотъ; вотъ почему онъ правъ, вотъ почему не смущаетъ его то, что

— тамъ, гдѣ тѣни бродятъ,
Тамъ въ ночи, изъ свѣжихъ ранъ
Кровью медленно исходятъ
Милліоны христіанъ..

—таковъ былъ печальный удѣлъ славянъ южныхъ.

Невыносимо было положеніе и славянъ западныхъ, чеховъ и части поляковъ, обреченныхъ влачить австрійское и германское ярмо. Правда, здѣсь не было кровавыхъ боенъ, но былъ другой, быть можетъ, болѣе опасный, потому что болѣе тонкій, плѣнъ и гнетъ—духовный.

Чехію обезъязычилъ и обезличилъ австріецъ,—

И долго ль, долго ль этотъ плѣнъ,
Изъ всѣхъ тончайшій—плѣнъ духовный
Еще сносить ты осужденъ,
О, чешскій людъ единокровный?

Живое тѣло Польши растерзано на три части, и двѣ изъ нихъ отданы тѣмъ же нѣмцамъ...

Въ такомъ безысходно-тягостномъ плѣнѣ и томленіи пребывали родныя намъ славянскія племена въ эпоху Тютчева:

Еще болитъ отъ старыхъ болей
Вся современная пора:
Не тронуто Коссово поле,
Не срыта Бѣлая Гора!

Временами ощущеніе этого гнета, тяготѣвшаго надъ славянствомъ, становилось столь невыносимымъ, тучи такъ сгущались, что близкая катастрофа казалась висящей въ воздухѣ, назрѣвшей, неминуемой—

Все гуще мракъ, все пуще горе,
Все неминуемѣй бѣда:
Взгляни, чей флагъ тамъ гибнетъ въ морѣ!
Проснись—теперь иль никогда...

Славянство! Теперь или никогда! Неужели твой гибельный разбродъ еще не кончился?

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ,
Не пора ль очнуться намъ
И подать другъ другу руки
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?

Пора, наконецъ, осознать, пора понять, что славянство, это—одна-единая семья:

Хотя враждебною судьбой
И были мы разлучены,
Но все-же мы народъ единый,
Единой матери сыны;
Но все-же братья мы родные....

Враги наши давнымъ-давно это поняли и учли:

Вотъ, вотъ что ненавидятъ въ насъ:
Вамъ—не прощается Россія,
Россіи—не прощаютъ васъ!

Призракъ всеславянскаго единства, какъ кошмаръ, смущаетъ нашихъ враговъ,—

Смущаетъ ихъ, и до испугу,
Что вся славянская семья
Въ лицо и недругу и другу
Впервые скажетъ—это я!

Враги славянства сознаютъ историческую свою неправоту предъ нимъ и предчувствуютъ роковое возмездіе въ будущемъ за вѣковое угнетеніе славянъ:

При неотступномъ вспоминаньѣ
О длинной цѣпи злыхъ обидъ,
Славянское самосознанье,
Какъ Божья кара, ихъ страшитъ!

Особенно бѣснуются нѣмцы. „Man muss die Slaven an die Wand drücken!“ „Славянъ должно прижать къ стѣнѣ!“—вотъ ихъ завѣтная мечта.

Они кричатъ, они грозятся:
«Вотъ къ стѣнкѣ мы славянъ прижмемъ!»
Но какъ бы имъ не оборваться
Въ отважномъ натискѣ своемъ!

Да, стѣнка есть,—стѣна большая,
И васъ нетрудно къ ней прижать,
Да польза-то для нихъ какая?
Вотъ, вотъ что трудно угадать.

Ужасно та стѣна упруга,
Хоть и гранитная скала,
Шестую часть земного круга
Она давно ужъ обошла...

Ее не разъ и штурмовали,
Кой-гдѣ срывали камня три,
Но напослѣдокъ отступали
Съ разбитымъ лбомъ богатыри...

Стѣна эта—Россія!

Стоитъ она, какъ и стояла,
Твердыней смотритъ боевой;
Она не то, чтобъ угрожала,
Но... каждый камень въ ней живой.

Такъ пусть же съ бѣшенымъ задоромъ
Тѣснятъ васъ нѣмцы и прижмутъ
Къ ея бойницамъ и затворамъ,
Посмотримъ, что они возьмутъ?

Какъ ни бѣсись вражда слѣпая,
Какъ ни грози вамъ буйство ихъ:
Не выдастъ васъ стѣна родная,
Не оттолкнетъ она своихъ.

Она разступится предъ вами
И, какъ живой для васъ оплотъ,
Межъ вами станетъ и врагами
И къ нимъ поближе подойдетъ.

Россія, эта живая стѣна, эта гранитная скала,—вотъ незыблемый, священный оплотъ славянства. На Россію устремлены взоры всего угнетеннаго славянскаго міра, извѣрившагося въ существованіи правды на землѣ:

Но есть еще одинъ пріютъ державный,
Для правды есть одинъ святой алтарь,
Въ твоей душѣ онъ, Царь нашъ православный,
Нашъ благодушный, честный, Русскій Царь!

И, обращаясь ко всему опальному славянскому міру, поэтъ восклицалъ:

Опально-мировое племя!
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгодъ,
И грянетъ крикъ къ объединенью,
И рухнетъ то, что дѣлитъ насъ?..
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему извѣстны день и часъ...

И эта вѣра въ правду Бога
Ужъ въ нашей не умретъ груди,
Хоть много жертвъ и горя много
Еще мы видимъ впереди...
Онъ живъ—Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ!...
И слово «Царь-Освободитель»
За русскій выступитъ предѣлъ!..

Въ этомъ своемъ выступленіи Россія сумѣетъ отличить истинныхъ друзей славянства отъ мнимыхъ, и сколько бы, напримѣръ, коварная Австрія ни ластилась къ Россіи, Россія—достойную сумѣетъ дать ей отповѣдь.

По случаю пріѣзда австрійскаго эрцгерцога на похороны императора Николая Павловича, Тютчевъ писалъ:

Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью,
Безстыдству также мѣра есть....
Клянусь его вѣнчанной тѣнью,
Не все же можно перенесть!

И какъ не грянетъ отовсюду
Одинъ всеобщій кличъ тоски:
Прочь, прочь австрійскаго Іуду
Отъ гробовой его доски!

Прочь съ ихъ предательскимъ лобзаньемъ,
И весь «апостольскій» ихъ родъ
Будь заклейменъ однимъ прозваньемъ:
Искаріотъ, Искаріотъ!

III

Ты долго ль будешь за туманомъ
Скрываться, Русская звѣзда?
Тютчевъ.

Глухая полночь! Все молчитъ!
Вдругъ изъ-за тучъ луна блеснула
И надъ воротами Стамбула
Олеговъ озарила щитъ.
Тютчевъ.

Покорная волѣ Провидѣнія, Россія пріемлетъ свой священный долгъ. Россія безконечно глубоко чувствуетъ все провиденціальное значеніе своей всемірно-исторической миссіи, и Россія ясно сознаетъ, что первая ея задача на этомъ пути, задача, завѣщанная ей вѣками,—собрать воедино всю славянскую громаду,—

Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И весть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать.

И это высшее сознанье
Вело нашъ доблестный народъ;
Путей небесныхъ оправданье
Онъ смѣло на себя беретъ.

Онъ чуетъ надъ своей главою
Звѣзду въ незримой высотѣ,
И неуклонно за звѣздою
Идетъ къ таинственной мечтѣ.

Пора славянскаго разлада и разброда кончается. Повсюду въ славянщинѣ чуются всходы новыхъ настроеній, роднящихъ, объединяющихъ. Надъ славянствомъ занимается прекрасная заря новаго, свѣтлаго бытія.

И Тютчевъ съ необычайною, можно сказать, пророческою прозорливостью уловляетъ эти намеки и предчувствія, этотъ неуклонный подъемъ и упорное наростаніе единящихъ чувствъ въ славянствѣ.

Молчитъ сомнительно востокъ,
Повсюду чуткое молчанье....
Что это,—сонъ иль ожиданье,
И близокъ день или далекъ?
. . . . . .
Но къ небу подымите взоръ!
. . . . . .
Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдѣя,
Она все ярче, все живѣе—
Вся разгорается она!

Еще минута,—и во всей
Неизмѣримости эоирной
Раздастся благовѣстъ всемірный
Побѣдныхъ солнечныхъ лучей...

Это пока еще аллегорическое стихотвореніе. Но вотъ другія, уже опредѣленныя и конкретныя:

Разсвѣтаетъ надъ Варшавой,
Кіевъ очи отворилъ,
И съ Москвой золотоглавой
Вышеградъ заговорилъ.

И нарѣчій братскихъ звуки
Вновь понятны стали намъ.
Наяву увидятъ внуки
То, что снилося отцамъ!

И прежде всего забывается старинная распря между Россіей и Польшей. Нѣкогда Польшѣ суждено было принять тяжкій ударъ отъ единокровной Россіи. Но, вступая въ борьбу съ братскимъ народомъ, Россія руководилась не чувствомъ ненависти или мести, а только необходимостью «державы цѣлость соблюсти»,—для блага славянскаго же міра. Конечно, это была временная размолвка двухъ одноплеменныхъ орловъ, и это былъ не закатъ, а лишь временный ущербъ Польши.

Тыжъ, братскою стрѣлой пронзенный,
Судебъ свершая приговоръ,
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ!

Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пепелъ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ Фениксъ, возродится въ немъ!

А примиреніе этихъ двухъ «одноплеменныхъ орловъ», Руси и Польши, есть—по мнѣнію Тютчева—первое и необходимое условіе торжества славянскаго дѣла:

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ Славянской міровой громадѣ
Строй вождѣленный водворится,
Какъ съ Русью Польша помирится.
А помирятся эти жъ двѣ
Не въ Петербургѣ, не Москвѣ,
А въ Кіевѣ и въ Цареградѣ....

Къ братскому единенію русскихъ и поляковъ, естественно, примкнутъ и чехи—

О, чешскій край, о, родъ единокровный!
Не отвергай наслѣдья своего,
О, доверши же подвигъ свой духовный,
И братскаго единства торжество!

Однимъ словомъ, «Славянскій міръ, сомкнись тѣснѣй!» — разсвѣтъ охватываетъ славянъ восточныхъ, западныхъ, южныхъ, и уже не въ первый разъ кричитъ—вѣстникъ зари—пѣтухъ:

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ;
Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло;
Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя въ Босфорѣ заалѣла.

Еще молчатъ колокола,
А ужъ востокъ заря румянитъ:
Ночь безконечная прошла,
И скоро свѣтлый день настанетъ.

Вставай же, Русь! Ужъ близокъ часъ!
Вставай, Христовой службы ради!
Ужъ не пора ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградѣ?

Въ доспѣхп вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполинъ державный!...
О, Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный!

Столицей всеславянскаго міра—пророчествуетъ Тютчевъ—станетъ Константинополь-Царьградъ, а его святыней—христіанскій алтарь, вновь поставленный во Святой Софіи.

Братья-славяне,—

Придите къ дивной чашѣ сей,
Добытой лучшей вашей кровью,
Придите, приступите къ ней
Съ надеждой, вѣрой и любовью!...

Царьградъ, «вѣнецъ и скипетръ Византіи", есть исконный, завѣтный и неизбѣжный удѣлъ Россіи, и напрасно враги славянства оспариваютъ это:

То, что обѣщано судьбами
Ужь въ колыбели было ей,
Что ей завѣщано вѣками
И вѣрой всѣхъ ея царей,—

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечомъ,
То, что орелъ Екатерины
Ужъ прикрывалъ своимъ крыломъ,—
Вѣнца и скиптра Византіи
Вамъ не удастся насъ лишить!...

И эти пламенныя чаянія и упованія—не просто наши человѣческіе, «слишкомъ человѣческіе» домыслы, это—не простая людская молва,—нѣтъ!

Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ,
Вѣсть родилась не въ нашемъ родѣ—
То древній гласъ, то свыше гласъ:
«Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ—
Свершится онъ, и грянетъ часъ!
И своды древніе Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!»...
Пади предъ нимъ, о, царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!

IV.

Итакъ, первая и ближайшая задача Россіи выполнена: вся славянская громада приведена подъ стягъ великаго собирателя земли славянской—Царя Русскаго и Всеславянскаго.

Вторая и послѣдняя задача Россіи—задача вселенская--стать, въ окружіи славянскихъ народностей, всемірной православно-христіанской монархіей, съ Царьградомъ, какъ столицею–во главѣ.

Вотъ русская географія по Тютчеву:

Москва и градъ Петровъ и Константиновъ - градъ—
Вотъ царства русскаго завѣтныя столицы...
. . . . . .
Семь внутреннихъ морей и семь великихъ рѣкъ...
Отъ Нила до Невы, отъ Эльбы до Китая—
Отъ Волги по Евфратъ, отъ Ганга до Дуная,...
Вотъ царство русское... и не прейдетъ вовѣкъ,
Какъ то провидѣлъ Духъ и Даніилъ предрекъ.

Вовѣки не прейдетъ Святая Русь, и міровая слава ея и держава будетъ жива не внѣшнимъ принужденіемъ, не насиліемъ и гнетомъ, не «желѣзомъ и кровью», а только любовью, тою истинною христіанскою любовью, которой такъ много въ душѣ православнаго русскаго народа.

Тютчевъ знаменательно противопоставилъ эти два типа единства: одно—западное, тевтонское, заявленное «желѣзнымъ канцлеромъ» Бисмаркомъ, другое—восточное, славянское, задуманное Святою Русью.

„Единство,—возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней:—
Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью"...
Но мы попробуемъ спаять его любовью,
А тамъ увидимъ, что́ прочнѣй..

Въ глубинахъ русской народной жизни прозрѣвалъ Тютчевъ несмѣтныя нравственныя богатства, и это побуждало поэта-провидца возносить будущее Россіи на такую недосягаемую высоту.

Но не надо думать, что поэтъ вообще смотрѣлъ на свою родину только сквозь радужное стекло.

Тютчевъ не закрывалъ глазъ на внутреннія нестроенія современной ему Россіи, на крѣпостную неправду ея дореформеннаго строя, на «бѣдность и несовершенство» ея общественнаго и частнаго быта, —но всѣ эти досадные недочеты казались ему лишь временнымъ, преходящимъ искаженіемъ національнаго лика, искаженіемъ, слишкомъ незначительнымъ въ сопоставленіи съ таящимися въ Россіи безцѣнными духовными сокровищами и ея великимъ историко-религіознымъ призваніемъ—воедино спаять человѣчество идеальной христіанской любовью.

Когда же Тютчеву указывали, что въ Россіи—съ точки зрѣнія западно-европейскаго ума—не все обстоитъ достаточно благополучно, что, по сравненію съ Западомъ, Россія страна отсталая, малокультурная и т. д., и т. д.,—Тютчевъ отвѣтилъ знаменитымъ

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

своимъ четверостишіемъ, въ которомъ выразилъ всю свою сыновнюю любовь къ Россіи, всю неколебимую надежду и всю свою пламенную вѣру въ нее:

Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать—
Въ Россію можно только вѣрить!

Въ настоящіе дни намъ приходится переживать необычайно важный моментъ въ міровой исторіи,— моментъ единственный, неповторяющійся.

Изъ глубочайшихъ нѣдръ германскаго міра, того міра, который мы привыкли считать олицетвореніемъ порядка, строя, высшей просвѣтленной разумомъ культуры, изъ нѣдръ этого міра на нашихъ глазахъ вырвалось безобразное чудовище Хаоса, готовое пожрать на своемъ пути все и превратить всю Европу, а если можно и весь міръ, въ одинъ кровавый кошмаръ, въ одну кровавую пустыню.

Безмѣрно ужасенъ этотъ безудержно-дикій разгулъ Хаоса и его безумныхъ сыновъ. Но не забудемъ, что Хаосу всегда въ мірѣ противостоялъ и нынѣ противостоитъ Космосъ!

Противостоитъ и противоборствуетъ!! И въ этомъ безпримѣрномъ поединкѣ миротворца-Космоса съ разрушителемъ-Хаосомъ на долю славянства и, особенно, Россіи выпала роль чрезвычайная, исключительная.

И какъ бы мы ни относились къ идеаламъ воинствующаго славянофильства — думается — одинъ страстный призывъ поэта найдетъ въ наши дни единодушно-пламенный откликъ во всѣхъ безъ исключенія сердцахъ:

«Въ Россію можно только вѣрить!».

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

3
Маг. 26
8 р.
№150

Цѣна 20 коп.